

АГГАДИЧЕСКАЯ¹ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИЦХАКА БАШЕВИСА-ЗИНГЕРА.

Наиболее ярким трансформатором Торы XX века на аггадической основе был польский писатель Ицхак Башевис-Зингер, человека, с творчеством которого связано целое столетие еврейской литературы на идише, целое столетие польского хасидизма. Его творчество в основном было исследовано за рубежом на польско-литовском диалекте идиша.

Особенностью еврейской литературы Польши, а, следовательно, и специфики трансформации Торы как литературоведческой категории было то, что она была тесно связана с той обстановкой, в которой находилось польское еврейство на протяжении всего периода пятисотлетней истории.

За счёт благоприятных условий, которые создавали для евреев польские короли и шляхта, еврейская община Польши была, самой многочисленной.

Для Польши был характерен не только хасидизм, но и философия фарисеев, что нашло своё отражение в теории ортодоксального раввината...

Сохранение еврейских традиций в их исторической целостности приводило к тому, что первоначально образовательный уровень писателей Польши был значительно выше, чем уровень писателей Украины и Белоруссии. Это способствовало появлению произведений, в которых, еврейские обычаи отражались на более высоком философско-каббалистическом уровне.

Ицхак Башевис Зингер родился в городке Леончин (Польша) в 1904 году, городке, хорошо сохранившем традиции трансформации Торы на уровне польского теоретического хасидизма. Его родным языком был идиш, поэтому он писал именно на этом языке и стал еврейским писателем и журналистом, пишущим на идиш. Башевис Зингер родился в семье раввина и получил традиционное еврейское образование, но в тоже время изучал светские науки и даже древнееврейский язык ТаНаХа. В юности он более трёх лет провёл в местечке Белгорай у деда. Важную роль в творчестве Башевиса Зингера сыграла та атмосфера, в которой он рос: дом отца на бедной Крохмальной улице в Варшаве, где находился бет-дин его отца, старые традиции и

¹ Мы опираемся на понятие аггадической трансформации Торы в связи с тем, что подобные изменения происходят как на уровне сюжета, так и на уровне образа и восходили к древним временам периода кодификации Ветхого Завета и перехода от Яхвистского кодекса к Жреческому. Трансформация Торы это не только философский термин (помимо всего он распадается как на Галаху, так и на Аггаду). Трансформация Торы тесно связана с формированием Библии как в первую очередь источника не только исторического, но и филологического. Библия – это притча. Аггада в переводе с арамейского. Именно этот факт мы и учитываем при использовании данной терминологии. Более подробно об этом смотрите в книге Бескровной Е.Н. «Трансформация Торы в еврейской литературе Украины» (Днепропетровск: Січ, 2010)

патриархальный уклад города Билгорай, где он находился под впечатлением изучения Каббалы, а также пример старшего брата.²

Пример И.И.Зингера оказал большое влияние на деятельность Ицхака Башевиса Зингера, который писал под различными псевдонимами. Его первый рассказ назывался «אויפן דער אלטער» (На старости лет). Он был напечатан в газете, которую возглавлял его брат «ליטעראטורישע בלעטער» (Литературные страницы, №60 1925 год). Позднее в том же издании Башевис Зингер публикует рассказ «ווייבער» (Жены) на этот раз под псевдонимом Ицхак-Башевис (производное от имени матери Бат-Шевы). Этот псевдоним Ицхак Башевис Зингер часто использовал для своих художественных произведений. В журналистике он печатался под именем И.Варшавский, а фельетоны в местные газеты подписывал именем И.Сегал.

Это деление не всегда было чётким. Многие литературные статьи Башевиса Зингера впоследствии становятся художественными произведениями. Такова судьба материалов «מײן טאטױס בען-דין שטוב» (Бет-Дин моего отца), где традиции хасидизма фактически движутся к ортодоксальному раввинату, но под влиянием социально-политических условий жизни евреев Польши в тот период фактически возвращаются на круги своя.

В 1935 году писатель эмигрирует из Варшавы в США. И в том же году им была напечатана первая повесть «סאטן אין גאריי» (Сатана в Горае), а затем в 1950 году роман «די פאמיליע מושקאט» (Семья Мушкат), в котором изображена жизнь евреев в Варшаве до 2-ой мировой войны.

В 1953 году известный литературный критик Сол Беллоу представил произведения Башевиса Зингера широкой нееврейской публике. Многие произведения принесли писателю широкую известность, но и многие из них были также опубликованы на английском. Некоторые произведения были напечатаны только на английском и не были переведены на идиш.

Как отмечают некоторые современные исследователи: «Художественное творчество Башевиса Зингера тяготеет главным образом к изображению

² Старший брат Ицхака Башевиса Зингера Израэль Иегошуа Зингер (1893-1944) также родился в Люблине и жил в атмосфере хасидских сказаний и легенд. В 18 лет переехал в Варшаву и поробовал множество профессий. Первые произведения Израэля Иегошуа Зингера были напечатаны в газете «דאס ״דישע ווארט״» («Дос идише ворт»). Вскоре он переезжает в Киев, где работает корректором и курьером в газете. В жизни он поробовал множество профессий. В конце 1921 года он возвращается в Варшаву. Он много пишет в американскую еврейскую газету «Форвертс» и становится одним из редакторов газеты «Литературише блетер». Самый известный роман Израэля Иегошуа Зингера «Братья Ашкенази» получил мировое признание. Он рассказывает о жизни крупных текстильных фабрикантов в Лодзи. В романе «Товарищ Нахман» отражается опыт жизни писателя в советской России и его разочерование в коммунистической идеологии. Последний роман Зингера «Семья Кирновских» показывает жизнь евреев в Польше, Германии и США.

В 1933 году Израэль Иегошуа Зингер переезжает в Нью-Йорк, где работает в прессе и пишет для театра. Он умирает в 1944 году от сердечного приступа.

внутренней борьбы между мистическим стремлением к моральной чистоте и совершенству и грубым сексуальным влечением. Типичный герой Башевиса Зингера практически бессилен перед страстью, он одержим, поэтому в произведениях Башевиса Зингера часто фигурирует сатана, хотя нередко его побеждает Божественное начало и добро торжествует над злом.» (4, т.1, с.309)

Ицхак Башевис Зингер писал крупные реалистические романы: «דער הויף» (Имение, 1953-1970), «דער קונצמאכער פון ליובלין» (Фокусник из Люблина, 1960), «דער קנעכט» (Раб, англ. яз 1962, идиш 1967), а также им созданы небольшие рассказы, которые объединены в сборник «ג'ימפל טאם און אנדערע דערציילונג» (Гимпл Там и другие рассказы, англ. 1957, идиш 1963).

В 1978 году Башевису-Зингеру была присвоена Нобелевская премия.

Особую популярность снискали рассказы Ицхака Башевиса Зингера для детей, где именно аггадическая трансформация Торы в творчестве писателя достигает наивысшего уровня как с точки зрения Агады, так и Галахи.

Рассмотрим цикл сказок, посвящённый Хануке.

В рассказе «Гаснущие огни» повествуется о том, как в канун Хануки, в зажженном семисвечнике постоянно гасли огни, что противоречило установке о том, что ханукальная лампада в Храме горела восемь дней. В этом произведении в данной ситуации трансформация Торы с исторического уровня переходит на индивидуальный уровень философского познания Истины.

Ицхак Башевис-Зингер преднамеренно нарушает традицию и показывает, что жизнь человека важнее всего и ради неё Бог может нарушить даже сложившуюся традицию. В рассказе повествуется о смерти маленькой девочки, у которой не было ни какой радости в жизни и она вынуждена была скитаться. У неё не было даже дома, где она вместе с родителями могла бы зажечь ханукальные свечи. После смерти девочки её дух не успокоился, а напротив, просил, чтобы в его честь, на могиле девочки, в ханукальную ночь дети играли в дрейдл, женщины «раздавали картофельные лепёшки с вареньем, и зажгли огни и прочитали над ними благословения.» (6, с.18)

Но вместе с тем сюжет рассказа и все его герои трактуются автором в чисто хасидской традиции. Реб Бериш рассказывает детям о том, что душа человека не умирает, а направляется к Богу, что характерно непосредственно для Каббалы и хасидизма:

«- Тело-то умирает, - сказал он, - а душа направляется к Богу и живёт вечно.

- А что же они делают все эти души, рядом с Богом? – спросил один из мальчиков.

- Восседают они в Раю на золотых стульях, с коронами на головах. А Господь Бог обучает их таинствам Торы?

- Да разве Господь Бог учитель?

- А как же, Бог – учитель, а все души добрые – его ученицы, - сказал реб Бериш.

- А долго этим душам учиться?

- Пока не придёт Мессия и не наступит воскресение из мёртвых, - сказал рабби Бериш. – Но и тогда Господь продолжает учить их в своей вечной иешиве, потому что таинства Торы выше неба, глубже моря, и такая услада, с которой не могут сравниться никакие телесные радости.» (6, с.19-20)

Рассказ «Канун Ханукки в Варшаве» носит чисто автобиографический характер. В нем герой пишет о своих впечатлениях, которые ему доставляет праздник Ханукка:

«В честь праздника папа облачился в свой бархатный домашний халат. Зажгли лампу под потолком. Ханукальный светильник уже стоял на столе. Красная свеча, которую называют «служкой», уже стояла в своём гнезде. Папа налил в светильник оливковое масло и заправил фитиль. Он произнёс благословение и зажёл свечу-служку... Из кармана он достал молитвенник в деревянном переплёте. На верхней обложке была выгравирована Стена Плача, на нижней – пещера Махпела.

Папа сказал:

- Этот молитвенник привезли из Святой Земли.

- Из Святой Земли?

Я принял молитвенник с радостью и трепетом. Никогда прежде мне не доводилось держать в руках предмет, который привезли из далёкой Палестины. Казалось, молитвенник источал запах фигов и фиников, гвоздики и кедра. Вся история из Священного Писания припомнилась мне разом: про Содом и Гоммору, про Мёртвое море, про могилу Рахели, про сны Иосифа, про лесницу, по которой восходят на небо и спускаются с неба ангелы, и ещё про царя Давида, про царя Соломона, про царицу Савскую.» (6, с.59-60)

Перед этим случаем мальчик обманул и себя и своих родителей, стремясь показать своё я. И только молитвенник из Святой Земли, подаренный ему на Ханукку даёт ему возможность понять, что некрасиво лгать, а надо совершать только хорошие поступки.

«С помощью Всемогущего он, даст Бог, вырастет порядочным человеком... - Молись по этой книге. Свято всё, что происходит из земли Израиля. Стена Плача – последнее, что осталось от Храма, разрушенного язычниками. Божественное присутствие сохраняется там навеки. Много грехов у евреев, вот почему Храм всё ещё разрушен. Но Всемогущий и всепрощающий. Он наш Отец, а мы - Его дети. Когда восхочет Бог, придёт Мессия, и мы возвратимся в Землю Израиля. И снова воздвигнется Храм на холмах иерусалимских. Воскреснут мёртвые. Дедушки и бабушки, и их предки, и все поколения оживут снова. Солнце станет светить всемеро ярче. Святые воссядут с коронами на головах и будут учить Тору...» (6, с.60-61)

Праздник Ханукки учит нас всегда делать добро. Добро даёт людям благословение, точно также как благословил пророк жену Ицхака Зильдиса из рассказа «Ханукка и Гершеле» и та родила ребёнка, которого и назвали в честь оленя «גערשעלע», который пришёл в их дом на Хануку. Ицхак Башевис-Зингер широко использует аллегория, наделяя своих героев не только вымышленным

обличьем, но и превознося те хорошие поступки, которые должен делать человек.

Рассказы Ицхака Башевиса Зингера в основном посвящены его детским чувствам и детским воспоминаниям. В них соединяются, с одной стороны, чувства истинного хасида, а, с другой, полноту чувств человека, который знает что такое прекрасное, и готов любить и служить прекрасному всю свою жизнь.

Так в рассказе «Ташлих» перед нами предстаёт еврейский мальчик, который всеми силами стремится узнать и постичь этот мир.

«...я уже прочёл тайком Кнута Гамсуна и Стриндберга и изучал этику Спинозы в переводе на древнееврейский...Сверх того, у меня был собственный томик Фламариона, и я пытался на свой страх и риск продираться сквозь Каббалу...» (6, с.180)

Но в тоже время его маленькая душа жаждет любви, которая отрывает его от мира злобы и негодований и уносит в звёздные пучины совершенства, постижения небесной Меркавы.

«Я верил в телепатию, ясновидение, месмеризм. Я щурил глаза до тех пор, пока свет лампы Фейгеле не превращался для меня в жаростно раскалённую нить. Мои телепатические послания неслись к ней сквозь черноту, и я жаждал сравняться в магии с Иосифом делла Рейна, который при помощи Святых Имён приводил дочь визира в состояние экстаза во сне. Я звал Фейгеле, я пытался вторгнуться в её сны, и в её предупредительные мысли. Я оплетал её прозрачной нитью, будто фокусник из «Тысячи и одной ночи». Мои заклинания неизбежно должны были вселить любовь в её сердце и заставить её страстно возжелать меня. И в ответ я окружил бы её такой нежностью, какой никогда ни одна женщина мира не получала прежде...

Я украшу её алмазами добытыми с Луны. Мы вместе полетим к другим планетам, и она возцарится королевой в нездешних дворцах...» (6, с.180)

Мальчик верит, что началом дружбы с этой девочкой станет день отпущения грехов и молитва Ташлих. Предсказания сбываются и «Бог зрит с небес. Видит он всех сынов человеческих... Читает во всех сердцах. Взвешивает все их дела...» (6, с.184)

Но не только детскими рассказами известен Башевис-Зингер. Его творчество изучается за рубежом и многие поколения читателей еще не раз будут обращаться к героям произведений любимого писателя.

Большое внимание Ицхак Башевис-Зингер уделяет образу женщины, трансформируя библейские образы и расширяя их эмоционально-семантическую окраску. Для него женщина – это не просто человек, который способен родить ребёнка. Женщина – это более высокое стремление Бога выразить себя в Адаме. В рассказе «Энтл-ешиботник» повествуется о том, как девушка Энтл вместо того, чтобы удачно выйти замуж решила заняться изучением Торы. Она надеялась на полное понимание со стороны своего товарища по ешиботу Авигодора, и хотела в скором времени выйти за него замуж. Но Энтл (Аншель) в конечном итоге поняла, что тот, кто становится на

путь изучения Каббалы полностью посвящает себя Богу и в какой-то степени нарушает заповеди хасидизма. Она не может выйти замуж за Авигдора, потому что он истинный хасид, и во многом не понимает её. Но конец рассказа оказывается счастливым, так как Авигдор женится на Хадассе и сына они называют Аншель. Подчёркивая невозможность нарушения хасидских традиций Ицхак Башевис Зингер вместе с тем утверждает, что Первоснова жизни в женщине, так как она несёт своё имя сквозь поколения.

Проблему пути искания человека Башевис-Зингер поднимает в рассказе «Корона из перьев». Еврейская девушка Акша ищет пути познания мира. Она стремится вырваться на свободу и пытается преодолеть рамки практического бытового хасидизма. В своих поисках она приходит к христианству, так как считает, что её жених Цемах несправедливо с ней поступил. Она полагает, что нужна была ему как средство для рождения детей, но ей хотелось большего. Акше хотелось взаимопонимания.

Всю свою жизнь она стремилась к божественной короне из перьев. Ей хотелось постичь смысл жизни Божества, но христиане не поняли её. Она раскаялась и вернулась в иудаизм, но её муж Цемах с особой жестокостью относился к ней, тем не менее она поняла его душу, которая говорила: «Святая душа, что я буду делать без тебя? Ты святая прости мне мою суровость. Это всё потому, что я люблю тебя. Я хотел очистить тебя, чтобы ты могла сидеть в раю вместе со святыми прамерами нашими...» (5, с.212)

Всю свою жизнь Акша искала корону из перьев, смысл которой был заключен в имени קִרְוֵן . Это имя еврейского бога даёт ей силы искать пути истины всю жизнь, до самой смерти.

Проблема перехода в христианство и верности иудаизму поднимается и в рассказе «Зейделиус, папа римский». Рассказ повествует о том, как чёрт захотел склонить праведного цадика Зейделя Коэна в христианство. Зейдель Коэн был настоящим праведником: «Начать с того, что он был под покровительством своих славных предков: чего стоил один Раши, чья родословная восходит к царю Давиду. Во-вторых он был учёнейший муж во всей Люблинской провинции. В пять лет он уже изучал Гемару и Комментарии; к семи годам знал наизусть все брачные и бракоразводные законы; в девять – произнёс проповедь с цитатами из стольких книг, что потряс старейших мудрецов. В Библии он ориентировался как в собственном доме, в грамматике иврита ему не было равных...» (5, с.149)

Но была у Зейделя одна плохая черта: он был тщеславен. Ради удовлетворения своего собственного самолюбия Зейдель разводится с женой, отрекается от иудаизма и уходит в христианство.

В своём рассказе Ицхак Башевис-Зингер в очередной раз ставит не просто проблему отрыва от корней своего народа. Он подчёркивает, что каждый еврей должен быть праведным цадиком, быть последовательным человеком и следовать идеалам еврейского народа до конца. Только праведник может вывести свой народ на путь истины, только в единстве со своим народом

человек силён и может достичь успехов в деле изучения Торы и постижения Меркавы.

Отказавшись от истоков своего народа Зейдель в конце концов слепнет и умирает в полной нищете. В своём рассказе Ицхак Башевис-Зингер подчёркивает, что каждый человек должен следовать той религии, в которой родился.

Проблема нравственности еврея и в частности человека поднимается им в рассказе «Цитата из Клопштока». В нём повествование ведётся о праведной еврейской женщине Терезе Штайн. Вот как описывает её автор: «Старая дева преподавала немецкую литературу. Кроме того, она знала древнееврейский. В ту пору варшавские евреи хотели, чтобы их дочери имели представление о Гёте, Шиллере, Лессинге. Без этого им как-бы не хватало культуры. И чуть-чуть древнееврейского не повредит. Тереза Штайн зарабатывала на жизнь, преподавая эти предметы... Она хорошо знала идиш. Преклонялась перед Перецем... Слово «талант» она произносила также как кошерный еврей - имя Бога.» (5, с.59)

Автор в своём рассказе поднимает проблему взаимоотношения мужчины и женщины на уровне еврейского брака. Но в то же время он подчёркивает, что смерть женщины может наступить из-за неверности мужчины. Женщина – «хранительница домашнего очага», но в то же время и мужчина должен заботиться о том, чтобы беречь свой дом, хранить его, быть настоящим отцом своим детям...

Тереза Штайн умирает в постели Макса Перского, но она остаётся святой для всей общины, так как её хоронят по законам иудаизма. «Цитата из Клопштока» поднимает проблему любви, и ставит вечную проблему взгляда на жизнь с позиции общечеловеческих ценностей.

В рассказах Ицхака Башевиса Зингера поднимаются сугубо нравственные вопросы, причём автор искусственно соединяет историю еврейского народа и современность, поднимая проблему толерантности и перевода с области эсгерезы в область респонсов понятия «глаз за глаз... жизнь за жизнь».

О трагедии еврейского народа периода Холокоста идёт речь в рассказе «Кафетерий». Сюжет рассказа повествует о том, что женщина по имени Эстер в одном из кафетериев постоянно видела Гитлера. Она была надломлена войной. И тот страх, который она пережила в период Холокоста остался с ней на всю жизнь: «Наступила тишина и он заговорил. Этот гнустный голос, сколько я его наслушалась по радио! Я не могла точно разобрать, что он говорил. Мне было слишком страшно, чтобы я всё поняла...» (5, с.16)

Рассказ Эстер заставляет писателя задуматься о смысле Бытия, о тех процессах, которые происходят вокруг него в XX веке. Он сравнивает человеконенавистничество, суды «линча» с трагедией Второй мировой войны и пишет: « Я размышлял о рассказе Эстер – о видении Гитлера в кафетерии. Эстер не походила на безумную. Ей удалось увидеть часть реальности. Эстер удалось заметить проблеск за непроницаемой завесой...» (5, с.20)

Впоследствии автор узнаёт, что Эстер покончила собой. Трагедия войны не может забыться – подчёркивает Башевис-Зингер.

Проходит время, исчезают постепенно войны на земле, но остаются человеческие пороки, которые в свою очередь и порождают нравственные трагедии. В рассказе «Рукопись» речь идёт о том, как женщина с девичьей фамилией Клейнминц спасает рукопись своего любимого человека, тогда начинающего писателя Менаше Линдера. Дело было в завоёванной Варшаве, и возвращаться туда было опасно, но госпожа Клейнминц не побоялась ничего и, попросив у аптекаря на всякий случай цианистый калий, отправляется в путь. По дороге она встречается с такими же людьми, как и она и делит с ними кров и еду. Предательство, которого она не выносит ждёт её на обратном пути. Возвратившись в Белосток она находит своего возлюбленного в объятиях другой женщины и сжигает рукопись.

В своём рассказе Ицхак Башевис-Зингер краток: моральные проблемы им передаются в двух строчках, они подобны божественным заповедям: «Вместе с этой рукописью я сожгла свою способность любить.» (5, с.32)

Сюжеты для своих произведений Башевис-Зингер брал в основном из истории еврейского народа, но они близки нам так как проблемы, поставленные в них, вечны.

Роман «Мешуга» - своеобразный итог творчества писателя, в котором соединяется современность с теорией хасидизма XIX века. Так, по мнению главного героя Аарона Грейдингера «теория вечных повторений Ницше справедлива. Если я – миллионы лет спустя – вновь стану еврейским писателем, то буду вести литературные битвы и за сионистов, и за территориалистов, за национализм, и за ассимиляцию, за марксизм, и за анархизм, за Вейцмана, и за Жаботинского, за «наторен Карта» и за «Ханаанитов», точно также как за Бунд, за всеобщих сионистов, за правое крыло партии Полай Цион, за левое крыло партии Полай Цион, за «Хашомер Хатцайр», за фолкистов, а также за Любавических хасидов, Бабовских хасидов, за ортодоксальных, консервативных и реформистских евреев. Я буду писать обо всех этих людях романы и стихи в стиле натурализма, реализма и символизма, и буду последователем футуристов, дадаистов и всех прочих «истов» и «измов». (3, с.235-236)

Складывается впечатление, что главный герой Аарон Грейдингер погружается в скорлупу мира, в которой он изначально родился и с которой сжился от рождения, но этот свет не живет отдельно от человека, а, наоборот, втягивает его в себя, в круговорот событий, поэтому наш герой «услышал новые рассказы о жестокости нацистов и «большевистских порядках» - обычные истории об арестах среди ночи, голоде, угрозах, переполненных тюремных камерах, запертых вагонах поездов, целыми днями стоявших в тупиках, торговле на черном рынке, о пьянстве, грабежах, хулиганстве и проституции. Все это было так трагично знакомо.» (3, с.236)

Герой хочет быть самим собой, он появляется в этом мире со своим «Я» имя которому «идиш», который не является пропавшей цивилизацией за то представляет из себя то, что было уничтожено:

«На идише говорила моя мать. На идише говорили мои бабки и деды, все предки вплоть до Сифтей Кохен, до Рабби Моше Иссерлиса. Если идиш был достаточно хорош для Баал Шем Това, для Гаона из Вильно, для Рабби Нахмана из Вроцлава, для миллионов евреев, которые погибли от рук нацистов, то он достаточно хорош и для меня...» (3, с.248)

Аарон Грейдингер не может забыть ужасы войны, для него смерть миллионов становится страшной утратой. Он не может простить Мириам, что она была *капо* при гитлеровцах

«Мириам перестала плакать. Развалившись на кровати она сказала:

- Если у нас будет ребенок, мы назовем его Максом.

- Не будет никаких детей, - сказал я.

- Почему нет? – спросила она.

- Мы с тобой похожи на мулов, - ответил я, - последние в поколении.» (3, с.292)

Герой пытается создать мир заново, мир без ошибок – и это противоречит «Агаде», в которой сказано:

«Был у царя кубок тончайшего стекла.

- Чем,- думал царь, - кубок этот наполнить? Горячей влаги стекло не выдержит, от холодной потускнеет.

И царь брал кубок только для тёплых напитков.

Сотворил Бог вселенную и подумал – как руководить своим творением: одним строгим правосудием – миру грозит разрушение; одним милосердием – земля в грехах потонет. «Соединю, - решил Господь, - правосудие с милосердием. И то, устоит ли». (Берешит Раба 1)

Человек сам не может разрешить божественное предназначение и поэтому для героя «иудаизм – это религия протеста... если Бога не существует, то против кого протестовать. А если он существует, то вполне может огорчить нас новым Гитлером. Те, кто кротко терпит наказание делают это от страха. Бог сам выразил это кратко и ясно – ты обязан любить меня всем сердцем, всей душой, всей своей мощью.» (3, с.51)

Литература

1. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2002
2. Талмуд. Мишна и Тосефта, критический перевод Н.Переферковича – Москва: Издатель Л.Городецкий – 2007 - т.4
3. И.Башевис-Зингер. Мешуга. - СПб: Амфора, 2001
4. Ицхак Башевис-Зингер. - // Краткая еврейская энциклопедия, 1990 - т.1 - с.307-309

5. Ицхак Башевис-Зингер. Сборник рассказов. - Иерусалим: библиотека-алия, 1990
6. Ицхак Башевис-Зингер. Гаснущие огни. - Иерусалим: библиотека-алия, 1990

Аннотация

В статье Е.Н. Бескровной «Агадическая трансформация Торы в творчестве Ицхака Башевиса-Зингера» рассматривается вопрос развития традиции теоретического хасидизма в литературоведческой трансформации притчи в произведениях одного из наиболее известных писателей Польши XX века.

Особое внимание обращено на тот факт, что трансформация 10 Заповедей Бога: между «Богом и человеком» и «между человеком и человеком», опирается в творчестве Башевиса-Зингера на цадикизм библейского периода истории еврейского народа и его объединения с ортодоксальными традициями Вавилонского Талмуда.

Процесс трансформации понятия социальной действительности в его святы с философией хасидизма создает в творчестве Ицхака Башевиса-Зингера новые формы на уровне трансформации сюжета и психологических изменений в авторской концепции образов героев произведений.

Ключевые слова. Агадическая трансформация Торы, фольклорная трансформация сюжета, трансформация образа, притча.

Анотація

У статті О.Н. Бескровної «Агадична трансформация Тори у творчості Іцхака Башевіса-Зінгера» розглядається питання розвитку традиції теоретичного хасидизму у літературознавчій трансформації притчі у творах відомого письменника Польщі, який писав свої твори на ідиші.

Особлива увага звертається на той факт, що трансформація 10 Заповітів Бога: між «Богом та людиною» та між «людиною та людиною», спинається на цадікізм біблійного періоду історії єврейського народу та його поєднанні з ортодоксальними традиціями Вавілонського Талмуду.

Процес трансформації поняття соціальної дійсності у його зв'язку з філософією хасидизму набуває у творчості Іцхака Башевіса-Зінгера нових форм на рівні трансформації сюжету та психологічних змін у авторській концепції образів героїв твору.

Ключові слова: агадична трансформація Тори, фольклорна трансформація сюжету, трансформація образу, притча.

Summary

In the article of Lena Beskrovna «Agadas transformation of the Torah in the creative works of Ichak Bashevis-Zinger» we are looking from the tradition of Hasidism in the Literary transformation of Agadas in the works of the known writer the Poland, were is writing your works in the Yiddish Language.

We are pay attention in the fact, wart is transformation of the 10 commandment in the 2 aspects «Lord and men» and «men and men» is basing in the Hasidim in the Bible period the history of Hebrew folk and combination this tradition from the Babylonian Talmud.

The process of the social reflection the reality and Philosophy of Judaism in the creative works of Ichak Bashevis-Zinger was had a new forms in the levels of images and subjects.

Key words: agadas transformation of the Torah, transformation of the subjects, transformation of the images, Agadas.

Стаття прорецензована та рекомендована до друку завідувачем кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди., доктором філологічних наук, професором Фрізманом Л.Г.